

Мое стремление к знакомству с Медсестрой было неслучайным, но изначально не было продиктовано желанием подвергнуться процедуре «живой смерти». Конечно, я знал, чем занимается эта женщина, но не желал испытать это на себе и стремился лишь к знакомству, к общению

с ней, так как интересовался эзотерикой, гипнологией, надличностной психологией. Всем тем, что рано или поздно приводит к «философскому камню» оккультизма – сумасшествию. Именно добровольным сумасшествием мне, как и многим, виделись эксперименты, которые проводила над адептами эта женщина. Однако подобные ярлыки отпали после знакомства с одним из прошедших процедуру. Желание познакомиться с Медсестрой перешагнуло грань любопытства и усиливалось с каждым днем, пока Михаил (который когда-то подвергся процедуре, но не производил впечатления оторванного от реальности человека) не организовал встречу. Он свел нас в уютной домашней атмосфере, за бутылкой вина. Присутствовало еще несколько гостей, велись светские беседы. За окном шли последние дни осени, падал снег.

Как и я, Медсестра пришла одна. Вела себя обособленно. С Михаилом говорила отстраненно, как с незнакомцем. Ей было около сорока – высокая, сухая и серьезная. Неспешная, сдержанная. Умела слушать. Замерев во внимании к речи собеседника, держала осанку и опускала взор, а после, не выжидая удобного момента, отмирала и говорила своё слово, свой монолог вопреки внешним обстоятельствам и течению общей речи. Если её смели перебивать, повышала голос. Постепенно все разговоры за столом свелись к обсуждению деятельности Медсестры.

Она рассказала, что сама была подвергнута данному «лечению»; что некий мастер (гуру), на протяжении длительного времени её обучал – после этого она решила на собственную частную практику.

– Дипломы за подобное образование не выдают, – резюмировала она. – Это хорошо, так как развелись бы шарлатаны.

Очевидно, себя она считала избранной, мессией. На вопрос, зачем ей это нужно, ответила:

– Не пытайтесь найти нечто скрытое. Мной движет лишь преданность медицине.

Ответ вызвал всеобщее недоумение. Ей пришлось пояснять:

– Естественно, я пыталась найти в данной деятельности выгоду, но чем дольше практиковала, тем яснее становилось то, что материальную выгоду получить невозможно – этим занимаются вопреки материальной выгоде и здравому смыслу торгашей и покупателей.

– Возможно, есть некая нематериальная выгода? Например, вы удовлетворяете личные амбиции или готовитесь к защите диссертации, – спросил начинающий адвокат.

– Повторю, что занимаюсь этим вопреки материальной выгоде, и лишь потому, что я – врач, – ответила Медсестра.

– Будущий – вы имели в виду? – не успокаивался наглый адвокат.

– Послушайте, – проговорил Михаил, – процедура не только избавила меня от депрессий, но и сняла все симптомы шизофрении, которая омрачала мой рассудок. Я жалею лишь о жизни до процедуры.

Адвокат сконфузился. Заговорил я:

– Что от меня нужно, чтобы пройти процедуру?

– Решимость и осознание того, что на год вы полностью отдаете себя в мои руки, – отвечала Медсестра.

– Так недолго, – сказала я.

Поклонившись, поцеловал ей запястье:

– Но с удовольствием!

Через несколько дней мы встретились в условленное время в условленном месте – утром, на краю города, у деревянного здания барачного типа. Казалось, Медсестра напускает на себя излишнюю деловитость, строгость, но за ними скрывалось нежелание идти на близкий эмоциональный контакт, что привело меня в состояние вынужденной дисциплинированности. По старой подъездной лестнице мы поднялись на второй этаж и прошли в маленькую квартиру, где были лишь большая комната, кухня и санузел. В комнате – диван с пледом и подушкой; старый светильник над диваном. Вещи, которые я взял с собой, остались у двери, так как Медсестра сообщила, что собирается их забрать.

– Раздевайся догола и ложись на диван, под плед, – сказала она, скрестив руки на груди, – смущаться нет смысла.

Нервно шутя, я разделся и лег на жесткий диван, накрылся шершавым пледом. Медсестра подала горсть таблеток, стакан воды. После встала и – неожиданно ускорившись, быстро, как на киноплёнке – оделась и ушла. Я остался один. Смотрел в потолок и слушал шум машин за окном, но постепенно шум стих. Окна закрывали плотные шторы. Мрак придавил меня, как пресс. Сознание и самоощущение исчезли. Исчезло тело. Далее вспоминаю лишь редкие движения в темноте, сопровождающиеся вспышками визуальных образов в виде черных ветвистых деревьев и надвигающегося поезда из фильма Люмьер. Торопливые приходы и уходы Медсестры слились в белое пятно, растянутое во времени.

Пытаясь вспомнить то, как выглядела Медсестра зимой, и что она со мной делала, вижу лишь неподвижное лицо – как маску, висящую в воздухе, в пустоте без опоры. Маска приближается, и вместе с ней надвигаются стены, опускается потолок. Над маской вспыхивает окно. За окном – черные ветвистые деревья. Маска удаляется, и комната расплывается, исчезает. Наступает мрак.

Помню эмалированный горшок под диваном. Телом управляли естественные надобности – позывы к испражнению, способность к пе-

режевыванию пищи, к дыханию – до тех пор, пока не появилось пронзительное ощущение близости иной, незаметной ранее жизни. Из темноты начали слышаться шорохи, отзывающиеся в теле волнами страха, возвращающие мне естество осознающего и рефлектирующего существа. Тело скручивало от боли. Меня тошнило на диван, и, боясь уже Медсестру, я слизывал рвоту. Изловчился ходить в горшок с дивана, не сползая на пол. Скулил, испражняясь – на полу, вокруг дивана, копошились тени. Однажды (при случайном проблеске сознания, наступившем после испражнения) я заметил светильник над диваном, о существовании которого давно забыл.

Дотягиваясь до светильника, корчился от боли в руке. Боль из руки передалась всему телу и, словно отделенной от туловища, голове. Головокружение едва не свалило на пол. Шел пот, тошнило. Наконец, свет включен. Вокруг дивана ползает множество двухвосток.

Наступила весна.

Страх исчез. Я наблюдал за ритуальными прогулками насекомых по полу, стенам и потолку. Просыпаясь, находил мокриц на теле, лице, но не давил, а лишь смахивал ладонью. С этого момента начинаю вспоминать детали появлений Медсестры. Медсестра открывает входную дверь. Стуча каблуками, заходит в комнату. Снимает пальто. Снимает верхнюю одежду. Раздевается до нижнего белья и надевает белый халат, марлевую повязку, тапочки и резиновые перчатки. Уносит горшок в туалет, моет его. После моет пол, чистит диван. Сдернув одеяло, методично протирает меня сначала влажной тряпкой, а после сухой. Достает из сумки несколько банок зеленого овощного пюре, кормит меня. Последнюю банку выливает в рот полностью и пропихивает ложкой, но я не смог проглотить. Меня стошнило.

– Убери за собой! – вскричала она, показывая пальцем на рвоту.

Она наблюдала сверху, как я послушно слизываю рвоту. Кажется, это продолжалось так долго, что за окном потемнело. Медсестра схватила меня за лицо и сжала, открывая рот. Положила в него несколько пилюль и залила стакан теплой, почти горячей воды. Таблетки вместе с пюре также оказались на диване. Не дожидаясь приказа, я слизал всё обратно.

– Оживаешь, – сказала Медсестра. – Необходимы прием стимуляторов мышечной системы и физические нагрузки. Я убираю горшок. Будешь ползать в туалет, иначе придется убирать за собой самому. Постепенно мы добьемся автоматических рефлекторных движений – и, возможно, без прерывания сна. Теперь ответь: зачем ты включил свет?

Я киваю в сторону пола, но мокриц и двухвосток не вижу. Медсестра исчезает. Сверху накатывается поезд и, трясясь, едет по мне. Дрожа,

укутываясь в плед, не могу завернуть в него голову. После борьбы с собственным телом осознаю, что голову, как привязь, держит взгляд, направленный на светильник, но отвести или закрыть глаза не было сил. По телу поползли насекомые.

Светильник превратился в окно с ярким, бьющим сквозь шторы, светом. Не ощущая ни страха, ни отвращения, ни слабости – встаю. Мокрицы и двухвостки кучами отпадают от меня и разбегаются перед моими шагами. Подхожу к окну. Откидываю шторы. За окном Михаил разливает вино по бокалам, а я в дорогом костюме, причесанный и напомаженный целую Медсестре руки, умоляя её подвергнуть меня процедуре «живой смерти». Медсестра и Михаил украдкой смотрят друг на друга, обмениваясь улыбками и воздушными поцелуями. Без сомнений, встреча с Медсестрой была запланирована. Михаил также встретился мне неслучайно. Разговор за столом контролировался ими, и, возможно, всеми присутствующими. Я был, словно футбольный мяч, удачно направленный в ворота. Вскрикнув от злобы, открываю окно.

Картинка меняется. По другую сторону окна незнакомая маленькая комната, заваленная хламом и тряпьем. На диване, взявшись за руки, сидят парень в порванных джинсах и вязаном свитере и девушка с черными как клякса волосами. Им лет по восемнадцать, но в них нет естественной радости молодости. Обнявшись, они опустошенно смотрят в стену. Я стою за их окном и шепчу из-за черных раскидистых веток:

– В жизни делать нечего. Люди усиленно стараются жить, потому что саму жизнь трудно назвать жизнью. Она этого не стоит. Слишком тесно, скучно, мелко. Как в плохих гостях!

Их отрешенные взгляды блуждали в поисках всевозможных несуществующих ответов на разнообразные несуществующие вопросы, лившиеся с небес сплошным мутным потоком.

– Жизнь – единственное, что у нас есть, – твердо сказал парень.

Встав, он направился на кухню. Я, обойдя дом, подошел к кухонному окну и ответил:

– В таком случае у вас нет ничего! Жизнь тешит иллюзиями приобретений, но при удобном случае забирает все ценности, подвергая унижениям и мучениям, пыткам, которые называются жизнедеятельностью, подкрепляя их некой самооценностью.

– Жизнь плодотворна, – ответил парень, ставя на плиту железный чайник.

– Жизнь – это мы. Смерть – отсутствие нас, – сказала девушка, проходя на кухню и обнимая парня.

– В жизни нам уделено мало места, – отвечаю я. – Ожидания и ам-

биции относительно жизни завышены. Череда разочарований бесконечна – потеря продолжается весь срок. Зачем терпеть и ждать? Умрите!

Они молчали, пили чай. Ушли обратно в комнату. Слушали нелепую музыку, смотрели кино, пока не уснули.

С этого момента вижу вереницу святящихся окон, за которыми один за другим возникают образы скукожившихся, уставших людей, застывших в жизни, как в желе. Я шепчу из мрака: «Зачем эти самоистязания? Ради чего эти страдания? Перестань, жалкий человек! Склони уставшую голову, пусть она отвалится». Срываюсь на крик: «Отдайся червям! Умри!». Впадая в иступление, вижу: «Перестань мучить хотя бы меня! Сдохни!!!»

У окна прошла весна. Наступило лето. За окном посветлело, и незнакомые люди пропали. Черные деревья вспыхнули зеленым. Запели птицы. Я отошел от окна и сел на диван, покорно поднимая ноги и руки, бедра, пока Медсестра меня протирала.

– Ваша процедура – нелегкий труд, – сказал я.

Самостоятельно открыл банку и начал есть пюре, не придавая значения вкусу – вновь различать вкус начал гораздо позже и сознательно, для развлечения.

Медсестра принесла ноутбук. Конец лета и осень прошли в череде непрерывных зарядок, отжиманий, йоги. Было не до размышлений, не до воспоминаний, не до рефлексии. Я занимался по видеозаписям непрерывно, впадая в бесконтрольный и отчаянный автоматизм, как муравей. Тело горело огнем. Медсестра внимательно наблюдала за мной и заполняла блокнот, задавая вопросы.

– Что такое жизнь? – однажды спросила она.

Я пожал плечами и честно ответил:

– Борьба со смертью.

– Что такое смерть? – спросила она.

– Отказ от борьбы.

Она записала мои ответы. Тогда я спросил:

– А как бы вы ответили на эти вопросы?

– Что такое жизнь и смерть?

– Ну, да.

– Они неотделимы, – ответила она, снимая очки и потирая усталые глаза. – Одно невозможно без другого. Суть процедуры в том, что вы под воздействием медикаментов перестаете осознавать окружающий мир и в некотором определенном смысле умираете. Тело впадает в анабиоз, а после плавно также под моим контролем начинает усиленно двигаться, оживать и продолжать жизнедеятельность. Тело, подвергшись подобному

испытанию, само не будет допускать остановки или затухания жизни.

– Это не опасно?

– Напротив, это спасение.

Она сняла очки и улыбнулась, но взгляд был пустой и белый, до прозрачности. Улыбка вежливая и неэмоциональная, деловая.

– Необходимо сохранить суть процедуры в тайне, иначе люди будут отчаянно цепляться за жизнь, мешать себе умереть.

– Конечно, – ответил я, кивая.

Вскоре за окном начал падать снег. Последние дни осени кончились. Наконец, Медсестра привела новичков – парня и девушку. Вязаный свитер парня; черные волосы у девушки – оба бледные и очень худые, долговязые. Впалые глаза, серая кожа. Они начали прибираться в квартире. Девушка вытащила из сумки и разложила на диване мой костюм, пальто и шарф, почистила ботинки. Я ходил по комнате с видом бывалого моряка и вздыхал, скучал, а Медсестра, скрестив руки на груди, спокойно стояла посреди комнаты и смотрела в окно.

– Поздравляю с новосельем, – сказал я.

– Спасибо, – ответил парень, не отвлекаясь от мытья полов.

– Вы решили, простите за иронию, «умереть» вместе?

– Мы всегда вместе, – ответил парень.

– Редко встретишь такую любовь, такое слияние, – сказал я.

Медсестра, не поворачиваясь, добавила:

– И такую нежность.

– Да... – согласился я. – Необычайная нежность.

Выйдя на улицу, вместо дезориентации и головокружения испытал лишь легкое удивление от того, что прохожие и падающий снег – это лишь прохожие и снег – больше ничего. Голая данность, формальная неизбежность, как шаги по тротуару. Подъехал трамвай. Доехав до нужной остановки, я прошелся вдоль резной ограды парка. Летают голуби. Ели покрыты инеем. Железом кованы ограды. Дошел до своего дома в стиле ампира, с колоннами. Зайдя в квартиру, взял в руки кувалду – и, не останавливаясь, в течение пары дней сделал капитальный ремонт – оставив только комнату, кухню и санузел. Съездил, купил на барахолке шторы, идентичные шторам в той квартире, в доме барачного типа, где провел целый год – а, возможно, нахожусь и сейчас. Стою у окна, за которым копошатся маленькие, скукожившиеся люди – ждущие смерти, готовые к смерти, но отчаянно цепляющиеся за жизнь, так как традиционно считают, что после смерти ничего нет. Это их почему-то очень пугает.